

УДК 821.111

Уильям Блейк в культуре русского зарубежья: аллюзия в «Лолите» Владимира Набокова и творчество Бориса Анрепа

Сердечная Вера Владимировна

Кандидат филологических наук,
научный редактор,

Издательский дом «Аналитика Родис»,

142400, Российская Федерация, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7;

e-mail: rintra@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена малоизвестным фактам рецепции творчества Уильяма Блейка в культуре русского зарубежья. В данной статье автор обращается к наследию Блейка как источнику одной аллюзии в романе Набокова «Лолита» и как к объекту творческого диалога поэта и мозаичиста Бориса Анрепа. В контексте романа Набокова аллюзия к творчеству Блейка (к стихотворениям из цикла «Песни невинности и опыта»: «Лондон», «Муха», «Тигр») указывает на противоречие между невинностью и опытом. Анреп видел себя его творческим наследником Блейка, перенимая и развивая его стиль – в поэзии на русском и английском языках, а также в мозаичном искусстве. Стиль Блейка повлиял на стихи Анрепа: как на поэму «Foreword to the Book of Anrep» (Лондон, 1913), так и на поэмы «Человек» и «Физа», написанные в 1910-х годах на русском языке. Художественный стиль Анрепа критики также связывали с влиянием Блейка. В 1923 году уж признанный мозаичист Анреп создал восемь многоугольных панелей по «Притчам Ада», украсив ими пол галереи Тейт. Эта сложная и интересная мозаика стала главной репликой в творческом диалоге Уильяма Блейка и Бориса Анрепа. Вероятно, в истории русской культуры Анреп – единственный, кто открыто и постоянно обращался к Блейку как источнику вдохновения и признавал себя его духовным наследником. Не будучи «модным» автором, Блейк оставался одним из знаков поля русской культуры и в русской эмиграции.

Для цитирования в научных исследованиях

Сердечная В.В. Уильям Блейк в культуре русского зарубежья: аллюзия в «Лолите» Владимира Набокова и творчество Бориса Анрепа // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 5А. С. 230-237.

Ключевые слова

Уильям Блейк, Набоков, Анреп, русское зарубежье, первая волна эмиграции, рецепция, диалог литератур, романтизм, модернизм.

Введение

Рецепция творчества Уильяма Блейка в культуре русского зарубежья (в особенности эмиграции первой волны) была весьма разнообразной. Аллюзии на творчество Блейка можно найти в работах поэта и мозаичиста Бориса Анрепа, супругов Ремизовых, Владимира Набокова; в воспоминаниях И.Одоевцевой, в статьях В.Вейдле, К.Мочульского. Обратимся к наследию Блейка как источнику одной аллюзии в романе Набокова «Лолита» и объекту творческого диалога поэта и мозаичиста Бориса Анрепа.

Противопоставление невинности и опыта – в «Лолите» Набокова

В «Лолите», при описании обстоятельств встречи героя с одной второстепенной героиней, Набоков ставит рядом городки *Toylestown* и *Blake*, а между ними располагает бар “*Tigermoth*” [Nabokov, 1970]. Приведем отрывок в русском варианте романа: «Я ее подобрал как-то в мае, в «порочном мае», как говорит Элиот, где-то между Монреалем и Нью-Йорком, или, суживая границы, между Тойлестоном и Блэйком, у смугло горевшего в джунглях ночи бара под знаком Тигровой Бабочки, где она пресимпатично напилась: уверяла меня, что мы учились в одной и той же гимназии, и все клала свою дрожащую ручку на мою орангутановую лапу» [Набоков, 2012, 383].

К творчеству Блейка отсылает не только название придуманного местечка. *Tigermoth*: название бара отсылает к заголовкам двух известнейших стихотворений Блейка, «Tyger» и «Fly»; а *Toylestown* – переосмысление фразы «toil’s town» (град тяжелого труда), цитата из стихотворения «Лондон» [Nabokov, 1970, 422]. В контексте романа Набокова эта аллюзия к творчеству Блейка указывает на противоречие между невинностью и опытом.

Интересно отметить, что для Набокова Блейк, по крайней мере с его «Тигром», был одним из объектов сопоставления при анализе стихотворных размеров в разных языках. Так, в одном из писем он цитирует «Тигра» как образец «стаккато английского трохея», который «действительно передает соответствующий русский метр с его змеевидными изгибами» [Набоков, Уилсон, 2013, 153].

Наследие Блейка в творчестве Бориса Анрепа

Блейк занимал особенное место в жизни и творчестве Бориса Анрепа (1883-1969), выдающегося мозаичиста и оригинального поэта. Анреп, выходец из древней семьи, эмигрировал в Европу в революционные годы; в истории русской культуры он известен главным образом как адресат нескольких стихотворений Анны Ахматовой.

Единственная биография Анрепа написана его невесткой, английской журналисткой Аннабел Фарджен, и опубликована на русском языке [Фарджен, 2003]. Анреп не только с восторгом отзывался о Блейке, но и явно видел себя его творческим наследником, перенимая и развивая его стиль – в поэзии на русском и английском языках, а также в мозаичном искусстве.

Как отмечает Аннабел Фарджен, уже в 1909 году, когда Анреп еще не слишком хорошо говорил по-английски, влияние Блейка и Библии уже было заметно в его стихах [там же, 48]. В этот период Анреп написал «Foreword to the Book of Anrep» («Предисловие к Книге Анрепа») – небольшую поэму на английском, оформив ее в отдельную книжку. Нужно отметить, что «Предисловие» так и осталось самостоятельной поэмой – никакой более «книги Анрепа» написано не было (что несколько напоминает историю с «Первой книгой Юрайзена» Блейка, за которыми не последовала более ни одна «Книга Юрайзена»).

«Предисловие к Книге Анрепа», рукодельный том в красной кожаной обложке, по всей

видимости, во многом копировал манеру рукописных книг Блейка. Эта книга представляла собой «поэму, снабженную иллюстрациями в виде акварелей с причудливыми узорами и картинками» [там же, 69].

«Предисловие» было опубликовано в лондонском альманахе «Poetry and Drama» в 1913 году. Вразрез с публикационной политикой антологии, поэму опубликовали с иллюстрациями (см. рис. 1).

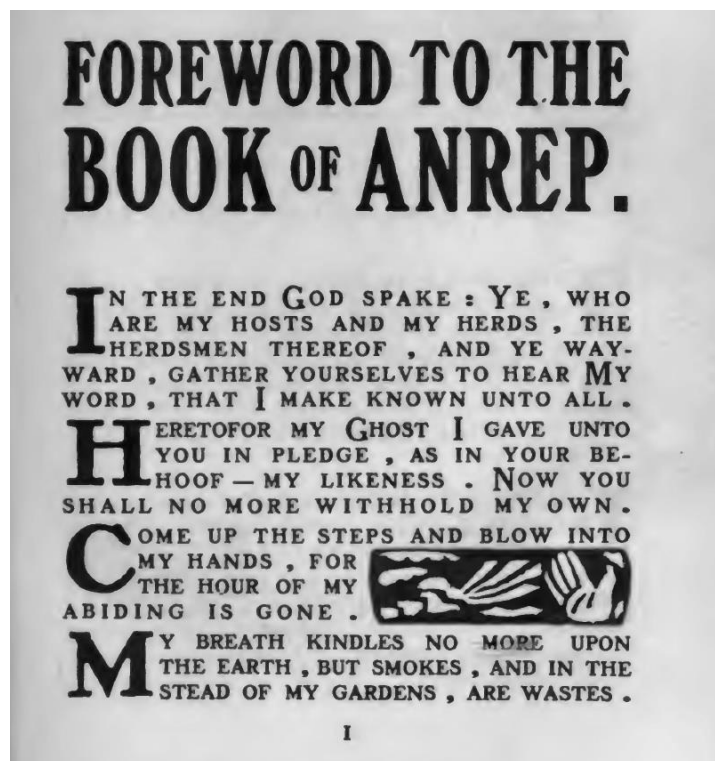

Рисунок 1 - Anrep В. “The First Book of Urizen”, copy A, obj. 12.

Однако те монохромные гравюры на дереве, которые сопровождали печатное издание поэмы, по свидетельству А.Фарджен, сильно уступали иллюстрациям в рукописном варианте: «Первоначальный вариант с цветными иллюстрациями, расположенными посреди и вокруг текста, были гораздо более впечатляющими» [там же, 69]. К сожалению, эта книга не сохранилась.

Визуальный стиль поэмы, в особенности, насколько можно судить, в оригинальной рукописной версии, а также ее текст не оставляет сомнений в том, что Блейк был образцом для Анрепа как в живописи, так и в поэзии. В «Предисловии» особенно заметно влияние риторики и образной системы поэмы Блейка «Тириэль». Приведем небольшой отрывок поэмы Анрепа:

Then the old man made
 Answer: ‘Once I hid
 My soul in this rock;
 She was taken therein,
 And I lost her. With riving and toil I
 Reached her. Lo! I won my soul and
 Settled in her, as in a stronghold’.

He lifted his hands towards the
Walls of the hollow and said: 'My
Son, here is my soul; thou art in
Her and she avows thee. This is thy house.' [Anrep, 1913, 282].

В 1916 году поэма Анрепа «Человек», написанная белым стихом, была опубликована в акмеистском сборнике «Альманах муз». Очевидно, что молодой поэт находился под влиянием мифологической и физиологической образности Блейка. Поэма «Человек» описывает аллегорическое перетворение человека, вбирающего в себя всю природу. Чтобы вместить мир, герой поэмы вскрывает свою грудь острой скалой; в эту «пещеру» спешат животные, прорастают деревья, это праздник всеобщей идентичности:

Я стал во входе, лицом к долине,
И, взявшись за края ребер,
Широко раскрыл свою грудь!
Звери, войдите одни за другими
И наполните меня до краев <...>
Благодатная ноша,
Жизнь мира во мне!
Деревья и травы приникли ко мне
Ветвями и листьями,
И пустив из них корни, вросли;
А я оторвал их от почвы.
Я вздохну глубоко –
Освежи, воздух,
Находящихся во мне и меня <...>
Вот – я достиг единенья:
Радость, радость!
В тело свое я принял часть мира [Анреп, 1916, 14-15].

В то время как Блейк обычно описывает сотворение человека как (грехо)падение, Анреп описывает грандиозное возвращение, симбиоз человека и мира в целом.

Несколько неловкая по стилю, но свежая по теме и сюжету, поэма «Человек» близка к пророческим поэмам Блейка по форме (белый стих) и, в особенности, по физиологическому ощущению опыта творения: мир и люди физиологически одно; хотя оба автора показывают, что это единство (или это разделение) ассоциируются с болью. У Блейка развязка его метасюжета по большому счету связана с Судным Днем, когда разъятые субъект и объект наконец объединятся; в «Человеке» Анрепа мы видим, как из груди героя вылетает птица, а душа проникает в камень, и мир очеловечивается.

Другая поэма Анрепа, написанная в 1910-х, «Физа», еще более насыщена узнаваемыми блейковскими образами, символами и мифологемами. Одн из копий поэмы, по свидетельству Анрепа, он подарил Ахматовой в 1915 году; поэма была впервые опубликована как приложение к его биографии [Фарджен, 2003].

Физа – альтер это поэта и, в высоком смысле слова, ремесленника. Образ Физы написан теми же красками, что и и блейковский кузнец Лос. Выйдя из дома, Физа «упер свой лоб о горн

плавильный» [Анреп, 2003, 282]; ему принадлежат «печи и плавильни, тончайшие орудья, / Весы и предельные меры, и сила тока; / Кислота и щелочь» [там же, 283]. Образность Блейка опознается и в метафоре тела, в котором органы заключены, как в клетке, и в символе глаза-шара:

Легко выколоть мои глаза,
Но око заочное как вырвать?
Схоронясь за костью, оно рыщет оттуда
Неустанно, верно и свирепо [там же].

Следующее описание Физы кажется воплощением той неестественной скрученной позы, которая нередко встречается на рисунках Блейка (например, в гравюрах к «Книге Юрайзена»; см. рис. 1, рис. 2):

Жалуясь и горя, Физа сел на землю:
Голова его между коленями,
Поверх головы – локти крышею,
Пальцы впились в затылок,
И длинные волосы расплелись
И спутались, ниспадая ниже колен [там же].

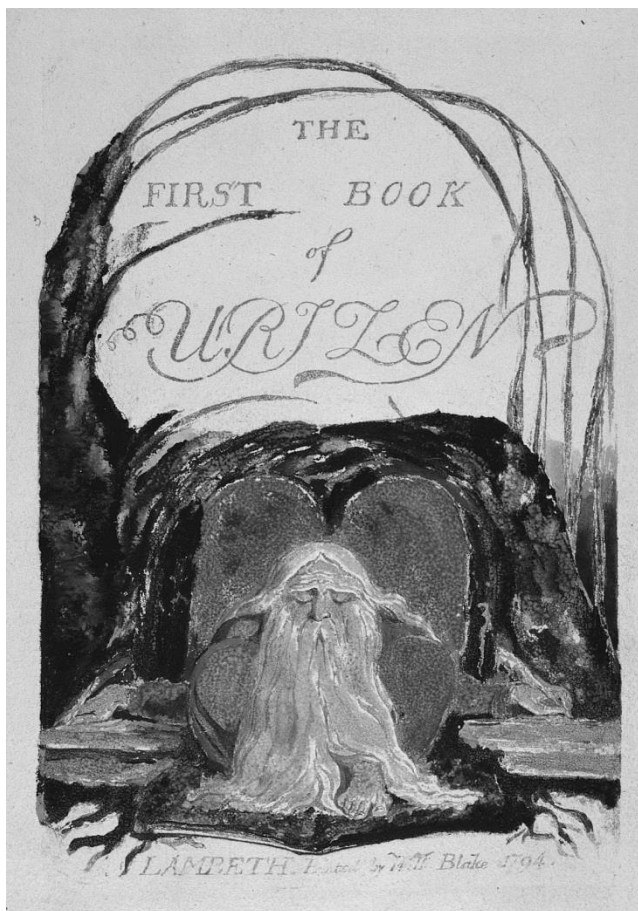

Рисунок 2 - Blake W. "The First Book of Urizen", copy A, obj. 1.

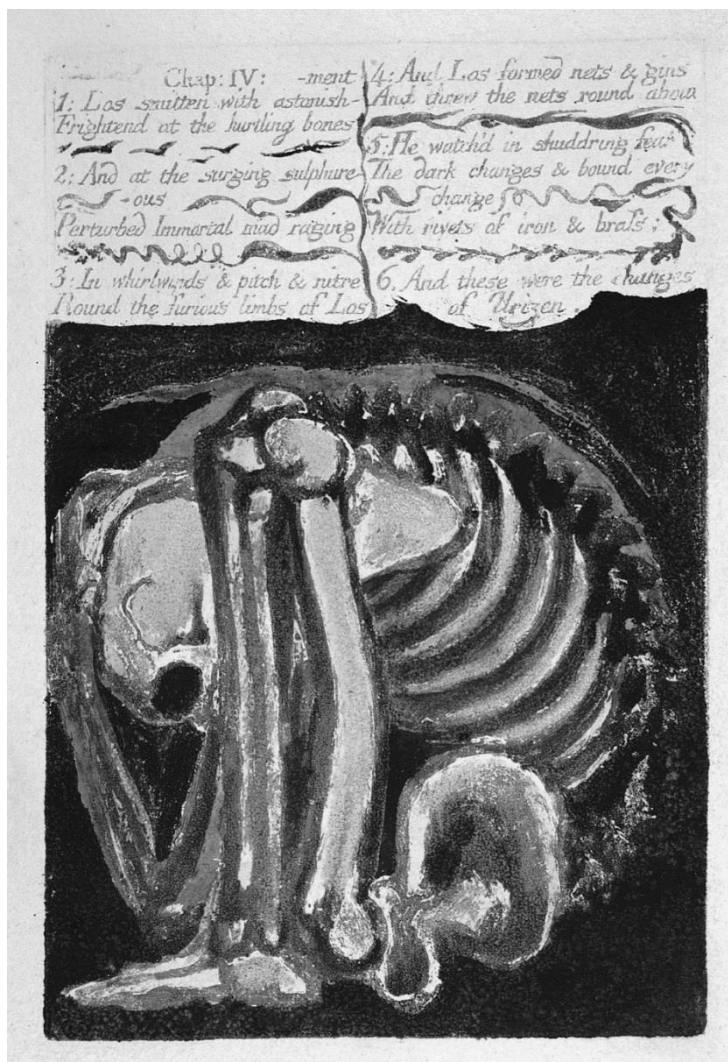

Рисунок 3 - Blake W. "The First Book of Urizen", cory A, obj. 12.

Смысл жизни Физы – в творческом труде. Как и у Блейка, творчество у Анрепа приобретает универсальное значение, становясь синонимом сотворения мира.

Претерпев много приключений и метаморфоз, подобно блейковскому ангелу Альбиона, прикованному к скале, – Физа уходит в землю по темя. Его волосы становятся золотыми струнами, на которых играет чудесная птица, рассказывая эту историю читателю. В поэме «Иерусалим» Блейк называет золотой струной путеводную нить, которой поэт снабжает своего читателя:

I give you the end of a golden string;
 Only wind it into a ball,
 It will lead you in at Heaven's gate,
 Built in Jerusalem's wall [Blake, 1988, 231].

В то время как основной сюжетной (и бытийной) целью поэм Блейка становится восстановление разрушенной гармонии изначальных элементов, разрешение оппозиции невинности и опыта, – цель «Физы» Анрепа связана с поиском персонального призвания, обретением индивидуального пути.

Вероятно, в истории русской литературы Анреп – единственный, кто открыто и постоянно обращался к Блейку как источнику вдохновения и признавал себя его духовным наследником. Впоследствии Анреп обратился от литературы к изобразительному искусству, однако его поэтическое наследие весьма любопытно и достойно дальнейшего исследования.

Художественный стиль Анрепа критики также связывали с влиянием Блейка. Как и английский романтик, Анреп был в определенном смысле ремесленником: в течение нескольких лет мозаика стала его страстью, а затем и его профессией. В частности, как подчеркивал критик Роджер Фрай, его объединяла с Блейком религиозная тематика изображений.

В 1923 году Анрепу приложили украсить пол восьмиугольной галереи в галерее Тейт: создать адекватный интерьер для выставки акварелей Блейка – иллюстраций к «Божественной комедии». Мозаичист был рад этой возможности: «Он ощущал себя поэтом-художником, чей дух пребывает в особой гармонии с духом его великого предшественника Блейка» [Фарджен, 2003, 171]. Анреп выбрал «Притчи Ада» из «Бракосочетания Рая и Ада» как общую тему для восьми многоугольных панелей. Эта сложная и интересная мозаика стала главной репликой в творческом диалоге Уильяма Блейка и Бориса Анрепа.

Заключение

Не будучи «модным» автором, Блейк оставался одним из знаков поля русской культуры и в русской эмиграции: у Набокова и Анрепа, Ремизова и Одоевцевой. Однако далеко не вся память об английском романтике была вывезена в эмиграцию. Хармс пишет о Блейке, что у него «была сабля», и потому он мог «регистрировать мир». Впоследствии романтика будет цитировать Мераб Мамардашвили, вплетет в контекст собственных стихов Бродский, и так далее, и так далее.

Библиография

1. Анреп Б. Физа // Фарджен А. Приключения русского художника: биография Бориса Анрепа. СПб.: Звезда, 2003. С. 282-301.
2. Анреп Б. Человек // Альманах муз. Петроград: Фелана, 1916. С. 13-18.
3. Набоков В. Лолита. СПб.: Азбука, 2012. 480 с.
4. Набоков В., Уилсон Э. Дорогой Пончик. Дорогой Володя. Переписка. 1940-1971. М.: Колибри, 2013. 496 с.
5. Фарджен А. Приключения русского художника: биография Бориса Анрепа. СПб.: Звезда, 2003. 304 с.
6. Anrep B. Foreword to the Book of Anrep // Poetry and Drama. 1913. Vol. 1. P. 275-290.
7. Blake W. The complete poetry and prose / ed. D. Erdman. NY: Anchor books, 1988. 990 p.
8. Nabokov V. The Annotated Lolita. McGraw-Hill, 1970. 440 p.

William Blake in Russian émigré culture: an allusion in Lolita by Vladimir Nabokov and poetic and artistic works of Boris Anrep

Vera V. Serdechnaya

PhD in philology, science editor,
Analitika Rodis Publishing,
142400, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation;
e-mail: rintra@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to little-known facts of the reception of William Blake's works in the Russian émigré culture. The author turns to Blake's legacy as the source of one allusion in Nabokov's *Lolita* and as an object of creative dialogue of the poet and mosaicist Boris Anrep. In the context of Nabokov's novel, an allusion to Blake's poems from the *Songs of Innocence and of Experience*: "London", "Fly", "Tyger" points to a contradiction between innocence and experience. Boris Anrep saw himself as Blake's creative heir, adopting and developing his style, both in poetry in Russian and English, as well as in mosaic art. Blake's style influenced the verses of Anrep: the poem "Foreword to the Book of Anrep" (London, 1913), and the poems "Man" ("Chelovek") and "Fiza", written in Russian in the 1910s. Art works of Anrep was also associated with the Blake's influence. In 1923, the recognized mosaicist Anrep created eight polygonal panels on the "Proverbs of Hell", decorating the floor of the Tate Gallery. This complex and interesting mosaic became the main replica in the creative dialogue between William Blake and Boris Anrep. In the history of Russian culture Anrep is perhaps the only writer who openly and consistently used Blake's artistic techniques and considered himself his spiritual successor. Not being a "fashionable" author, Blake remained one of the signs of the field of Russian culture in Russian émigré culture.

For citation

Serdechnaya V.V. (2017) Uil'yam Bleik v kul'ture russkogo zarubezh'ya: allyuziya v «Lolite» Vladimira Nabokova i tvorchestvo Borisa Anrepa [William Blake in Russian émigré culture: an allusion in *Lolita* by Vladimir Nabokov and poetic and artistic works of Boris Anrep]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (5A), pp. 230-237.

Keywords

William Blake, Nabokov, Anrep, Russian émigré culture, White émigré, reception, a dialogue of literatures, romanticism, modernism.

References

1. Anrep B. (1913) Foreword to the Book of Anrep. In: *Poetry and Drama*, vol. 1, pp. 275-290.
2. Anrep B. (1916) Chelovek [Man]. In: *Al'manakh muz* [Almanac of the Muses]. Petrograd: Felana, pp. 13-18.
3. Anrep B. (2003) Fiza. In: Farjeon A. *Priklyucheniya russkogo khudozhnika: biografiya Borisa Anrepa* [The adventures of the Russian Artist: the biography of Boris Anrep]. St. Petersburg: Zvezda Publ., pp. 282-301.
4. Blake W. (1988) *The complete poetry and prose* / ed. D. Erdman. NY: Anchor books.
5. Farjeon A. *Priklyucheniya russkogo khudozhnika: biografiya Borisa Anrepa* [The adventures of the Russian Artist: the biography of Boris Anrep]. St. Petersburg: Zvezda Publ.
6. Nabokov V. (1970) *The Annotated Lolita*. McGraw-Hill.
7. Nabokov V. (2012) *Lolita*. St. Petersburg: Azbuka Publ.
8. Nabokov V., Wilson E. (2013) *Dorogoi Ponchik. Dorogoi Volodya. Perepiska. 1940-1971* [Dear Bunny. Dear Volodya. The Nabokov-Wilson Letters. 1940-1971]. Moscow: Kolibri Publ.